

Юрий ОНОПРИЕНКО

«НОЧНОЙ РАЗБОЙНИК, ДУЭЛИСТ...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

"БЛАГОВОСПИТАННАЯ ОСОБА"

Граф Иван Толстой, большой, волосатый и моложавый старик, сидел в своём обширном кабинете и был вне себя. Только что доложили, что его великовозрастный сын Фёдор, блестящий баламут и гуляка, выкинул новый громкий моветон.

— Улетел на каком-то духовом шаре! Швырял с него в коров порожними бутылками! Сколько можно... Сей же час поговорю с ним по-свойски, давно пора.

Вошёл сын, и кабинет будто сузился вдвое, заполненный вошедшим. Симпатичный верзила, едва за двадцать, а уж на голову выше отца, плечи в аршин, и взгляд прямой, пререкзкий. А голос нарочно тихий:

— Звали, папа?

— Звал! — вскричал граф, от этой хитрой сыновней тихости немедленно теряя самим приготовленный для начала сдержанный тон. — Ты скажи, доколь пугалом столичным будешь? Доколь род уронять?

— Что, как? Я вас, папа, ничем не порочил.

Стоит ровно и умильно, а в глазу бес.

— Не порочил? А из Морского кадетского корпуса в славнейший полк Преображенский пришёл — что сотворил? Только зачислен был — и сразу на три седмицы исчез. Без следа, будто к шведу убежал. До сих не говоришь, где тогда был. Где тогда был?

Фёдор переступил с ноги на ногу — будто пожарная лестница качнулась.

— Извините, папенька, но это и за честное слово сказать не в силах.

— Он не в силах, он честный! К княжниним мамзелям каким-нибудь залился, либо хуже того, к цыганкам на Васильевский...

Граф подхватился и, путаясь в парчовом халате, стал холерическим шагом мерить кабинет, запинаясь у окон, хватая и рвя набок тяжкие портьеры.

Сын стоял недвижно, глядел всё так же чертовски-невинно. Он всё же уважал отца, и Иван Толстой это знал, и прощал его. Но сейчас гнев пересилил, лился неостановимой лавой.

— Выперли тебя из преображенцев, и правильно сделали. В простой армейский полк отчислили, а ты там что?

— Что? Не помню.

— Забыл! Это он, геройский поручик, который двенадцать карточных пулек и назад, и наперёд помнит! Забыл, как самого Дризена, своего командира полка, на дуэль вызвал! Хорошо хоть не стрелялись.

— Да нет, — смущённо кашлянул, отворачивая наконец взгляд, Фёдор. — Стрелялись...

Граф повернулся, медленно подошёл к сыну — сын при его приближении вытянулся во фрунт. Иван Толстой протянул руку, слабо подёргал Фёдора за молодой, ещё не ошестившийся бакенбард, отступил и сел с одышкой — быстро сердце злостью выдохлось, и впрямь застарел граф.

— Ладно. Живы оба, и ладно... Ты у меня, знаю, главный стрелок в Петербурге. И на сабле лучше даже этого Севербека, фехтовального учителя, что у всех у вас в моде сейчас.

Замолчал, дыша. Фёдор тоже молчал, выжидая, когда отец усмирится до конца.

За окнами чья-то карета грохнула в ухаб, донеслись разнобойные крики.

— Сын мой единокровный, что мне с тобой, детинушкой, делать... — слабо потянулся из кресла граф. — Что это хоть за шар надувной, кто тебя в него сесть соблазнил?

— Чего меня блазнить, это я сам Гарнера уломал, папенька. — Фёдор легко подошёл, склонился вдвое, мягко поцеловал сидящего отца. — Шар этот без правленья, три раза нас на Балтику ветер угонял, благо что обратно принёс.

— А бутылки, коровы?

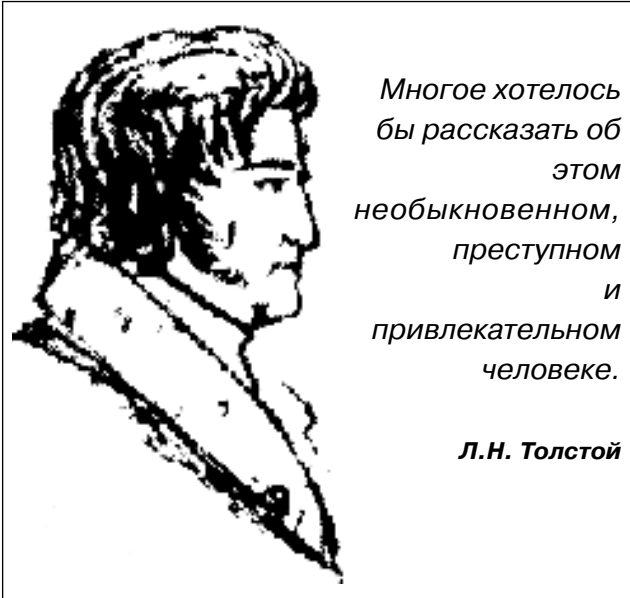
— Мы его, шампанского, и взяли-то всего несколько дюжин... Не складывать же пустые бутылки в корзине, они воздушный шар книзу утянут... Вот и кидали. Я всего две бурёнки спугнул, Гарнер и вовсе одну.

— Ох, Федя, ты и людей пугаешь, а уж меня всех боле. О тебе весь свет стольный только и судачит. Ты как чудиче обло...

Шаркающе вошёл старый камердинер Савва, доложил графу о приезде младшего брата Петра Толстого, да ещё Волконского с Трубецким. Иван встрепенулся:

— Проси прямо сюда. Нечего мне перед своими в камзолы одеваться. Я, Федя, на тебя в горячности, совсем про их визитон забыл. Не уходи, они с делом важным и тебя, сказали, касаемым.

Гости вошли, пообнимались — все они были хорошая

Многое хотелось бы рассказать об ЭТОМ необыкновенном, преступном и привлекательном человеке.

Л.Н. Толстой

родня. С Петром был его сын, тоже Фёдор и тоже из Морского кадетского корпуса вышедший. Он был тонок, благообразен и как будто чем-то выпуган.

Перешли в залу, расселись. После коротких фраз, приветственных, обычных (все знали, что в этом доме любят изъясняться простецки), граф Пётр Толстой сказал:

— Невиданное дело государь Александр Павлович за-

— Мило, да не совсем, есть беда-загвоздка, — продолжил его отец. — Ты же помнишь, ещё с кадетского корпуса у него морская болезнь обнажилась. Качает и рвёт его до синевы на лбу. Никак нельзя ему плыть в такую даль. Да и не моряк он вышел, к художествам тянется.

— Эге, — тронул себя хозяин за жёсткий ус. — Так что делать хотите?

— Хотим, братец, поменять моего Фёдора Петровича на твоего Фёдора Ивановича. Если он, конечно, не против. Фёдор Иванов сын выпрыгнул из кресла и прокричал в детском телячьем восторге, но громовито:

— Я не против, дядюшка! Папа, я не против, пустите, а то сам на корабль убегу. Федя, братец, дай я тебя обниму! И Фёдор могучей пятернёй схватил двоюродного брата-тёзку, поддёрнул к себе и принялся тискать его, как мягкую ватную куклу. Все родичи заулыбались, кроме Ивана Толстого, поскольку новая затея обрушилась крепко, ударила сильнее духового шара.

— Постой-ка, сын, присядь. Братец Пётр, в какой задаче предусмотрено плыть кому-то из наших Федек?

— В задаче сопровождающего Николая Петровича Резанова, который послом в Японию плывёт, а потом в Русской Америке высадится, в своей Российско-Американской компании.

Фёдор Иванов сын снова вскочил:

— Хочу!!

И в приступе горячего азарта поручик отшвырнул ногой писаное кресло, которое жалобной тумбой упало набок и прорвало английскую шпалеру в стенке.

Гости не смотрели на дорожную испорченную шпалеру, смотрели на хозяина. Тот минуту сидел насупившись, потом сказал:

— Кому хочу, а кому и как ссылка... И он же корабль Крузенштерну утопит.

— Папа, не обижайте, я русский офицер!

— Что папа, что офицер? Вот не пушу, и всё. Тебе ещё за шар как бы не ответить.

Причёрсанный князь Волконский острожно вздохнул и проговорил:

— К вашему слову, государь Александр Павлович, говорят, были этим самовольным полётом весьма неудовольствованы.

Хозяин в который раз встрепенулся:

— Уже до государя-императора дошло? Так, вот что: надо вправду тебя, Федька, убирать из Петербурга.

Иван Толстой, когда подпирало, был скор на крепкие перемены и поворотные решения. А тут была последняя капля, и она ткнула по отцовскому темечку в самый момент.

— Пльви от греха подальше. Однако... — старший Толстой запнулся. — Ведь придётся насчёт этого написать прошение Александру Павловичу. И вот боюсь, государь-то нам кукиш и покажет, после шара-то. Скажет, пусть этот летун сначала под караулом посидит, а потом плавать просится.

— Была не была, а это для нас последний выход, — сказал Пётр Толстой и обнял племянника Фёдора, и расцеловал; впрочем, едва достав ему до щеки.

Прошение было послано назавтра; а скоро узнали и высочайший вердикт: "Насчёт этого буйного затейника Фёдора Толстого пусть решает Иван Фёдорович Крузенштерн, ему плыть и с ним мучиться".

Крузенштерн долго раздумывал, но согласился. Почти двухметровый попутчик пригодится в любом опасном плаванье, тем более таком дальнем.

Правда, кто-то из адмиралтейских писарских крыс напоследок устроил малую издёвку — записал в морские бумаги-реестры могучего буяна Фёдора Толстого как безликую женщину: "Молодая благовоспитанная особа, сопровождающая Николая Петровича Резанова в купе с другими сопровождающими в качестве кавалеров посылства".

Фёдор Иванов сын на это и ухом не повёл. Распрощался со всеми друзьями, "благовоспитанно" удержался от кутежей и дуэлей и в урочный день с торжеством и ликованьем отправился в Кронштадт, к кораблям великой экспедиции. Шёл август тысяча восемьсот третьего года.

Крузенштерновский трёхмачтовый красавец-шлюп "Надежда", построенный совсем недавно, принял поручика Толстого на борт, не ведая, какие в этот миг кличет на себя злоключения.

Продолжение следует.

тея, слышал, братец? Вокруг Земли плыть молодого Крузенштерна, героя Гогланда, посылают; заодно и в Русскую Америку заглянуть.

Пётр всё знал заранее; он был на виду, участник турецкой и польской войн.

Но Иван младшему брату в сведениях не уступал. — Слышал, слышал, велик подвиг будет. Правда, когда Беринг открыл Аляску, держава наша Российская вокруг всего света простёрлась, без таких походов ей теперь нельзя.

— Да, — кивнул Пётр, но что-то нерадостно. — Новый век пришёл, он тоже геройским для России-матушки выйти должен. И начнётся сразу с такого большого дела.

Иван Толстой пригляделся: — Что ж ты так унывен, брат?

— Да как же... — Пётр оглянулся на Трубецкого с Волконским, будто ища поддержки. — Сына моего, Фёдора, в эту экспедицию записали, честь оказали.

— Так и мило! Молодой граф Фёдор Петрович, примите мои поздравления.

Фёдор Петров сын вскочил, молча поклонился, сел и покраснел.